

Независимое рабочее движение в Советском Союзе

Виктор КОМАРОВСКИЙ

Слушая ораторов столь многочисленных сегодня форумов — от Съездов народных депутатов и партийных съездов до собраний и митингов местного масштаба,— можно явно уловить типичный, хотя и не самый громкий, мотив: постоянное, упорное стремление выдвигать свои платформы, теории, претензии, амбиции и т. п. от имени массы. Под массой может пониматься и весь народ, и нация, и рабочий класс, и крестьянство, и население региона, города, и т. д., но обязательно звучит утверждение — «мы!».

Нельзя сказать, что такие претензии вовсе лишены всяческих оснований, ибо сейчас, в смутное время распада старых общественно-политических и идеологических стереотипов и достаточно сумбурных и случайных попыток найти опору в тех или иных — но главное других! — системах взглядов и ценностей, любые теории, заявления и декларации случайно или осознанно будут отражать не личное, но групповое или же действительно массовое настроение. Вопрос в том, сколь многочисленно это «мы», как широко распространены соответствующие взгляды и настроения, как глубоко они укоренены в массовом сознании.

Именно поэтому серия разнообразных съездов, состоявшихся в 1990 г., представила спектр взглядов, отражающий всю сложность и многообразность бытующих в обществе оценок и настроений. Однако следует согласиться и с афористичной фразой А. Яковлева, прозвучавшей на XXVIII съезде КПСС: «Треск слов — еще не гул истории и не поступь времени»¹. Думается, в первую очередь это относится к самой КПСС. Последние слова и дела ее аппарата показывают: суть внутрипартийных проблем не в том, что буксует перестройка в КПСС, а в том, что выбор путей выхода из кризиса у аппарата КПСС и у передовых слоев народа, включая и многих коммунистов, оказался различен. И чем дальше, тем больше эти дороги, судя по всему, будут расходиться. Уже сейчас и работа новых советов, и независимое рабочее движение — тому достаточно убедительный пример.

Почему именно независимое рабочее движение? Потому что рабочий класс нашей страны наконец почувствовал интерес к своей судьбе, понял, что может и должен сам стать ее хозяином. Еще вчера интересы весьма значительной доли рабочих (затруднительно сказать определенно, сколь велика эта доля, но во всяком случае ее хватало для поддержания status quo в обществе) совпадали с официальным курсом или по крайней мере не задевались им. Этому способст-

¹ «Известия», 3 июля 1990.

Комаровский В. В. — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института международного рабочего движения АН СССР. Автор работ по проблемам социального развития рабочего класса.

вовала целая система институтов. Здесь и сильный, разветвленный партаппарат на производстве, и не всегда заслуженное моральное и материальное поощрение не только отдельных передовиков производства и активистов, но и целых коллективов «флагманов экономики» и даже отраслей. В тот же ряд может быть поставлено и такое массовое явление, как «несуны», развращающее личность и общество и прочнее стального каната привязывающее человека к существующей общественной системе. Не случайно рабочий класс — крупнейший поставщик правонарушителей и уголовников. Так, в 1988 г. именно из его рядов вышли 53,8% лиц, совершивших преступление². Это следствие его маргинализации, распыления естественно формирующихся социально-профессиональных и территориальных общностей. Не поэтому ли четыре первых года перестройки рабочий класс (за весьма незначительным исключением рабочих клубов, эпизодических забастовок и т. п.) оставался практически в стороне от каких-либо форм участия в процессах, набравших силу в стране. Выступления на различных форумах так называемых представителей рабочего класса (например бригадира шахтеров, депутата от профессиональных союзов А. Тхора на I Съезде народных депутатов СССР) свидетельствовали о распространенности консервативных настроений не в рабочей среде, а в его сросшейся с аппаратом (неважно партийным или профсоюзным) прослойке, первой почувствовавшей опасность для своих коренных интересов.

Широкие же слои рабочих до лета 1989 г. практически никак не выражали своего отношения к преобразованиям «сверху», стояли в стороне и от «активизации человеческого фактора», и от набравших силу общественных процессов. Иллюстрацией к этому тезису могут служить результаты серии социологических опросов, проведенных отделом сравнительных исследований развития рабочего класса Института международного рабочего движения АН СССР на ряде промышленных предприятий Москвы, Владимира и Таганрога в 1988— | 1989 годах. С завидным постоянством рабочие разных отраслей и регионов (70—80%) указывали на отсутствие каких-либо изменений в ситуации на производстве и вокруг него. Правда, за двумя весьма существенными исключениями. В ответах были зафиксированы, с одной стороны, неуклонное ухудшение снабжения продуктами питания и промышленными товарами, с другой — рост информированности рядовых рабочих о делах предприятия и неразрывно с ней связанной активности в решении производственных вопросов.

Странное на первый взгляд молчание рабочего класса не означало отсутствия у него собственной позиции по отношению к происходящим процессам. Оно, по моему, свидетельствовало о напряженной внутренней работе, о выработке собственной позиции, собственной политической линии, отвечающей интересам именно рабочего класса, как мы привыкли его понимать, или — что ближе к действительности — системы различных социальных групп, непосредственно занятых в сфере материального производства, в распределении и инфраструктуре.

Несомненно, углубление экономического кризиса, политические преобразования и упрочение демократических настроений оказали свое воздействие на процесс «пробуждения» рабочих, подстегнули его. Тем более что зачастую молчание трудящихся трактовалось как свидетельство безоговорочной поддержки тех или иных мероприятий правящих кругов, а необходимые и неизбежные преобразования, прежде всего касающиеся проектов выхода из экономического тупика и создания современной экономической структуры, предполагалось осуществлять не иначе, как за счет трудящихся. Параллельно шел процесс поиска трудящимися адекватных форм и каналов выражения своих интересов. Наконец процесс кристаллизации дошел до критической точки, а забастовочные комитеты выдвинули свои требования.

² См. "Социальное развитие СССР. Статистический сборник". М., 1990, с. 330.

Бремя перестройки со всеми издержками перехода к рынку, преодоления монополизма, гримасами конверсии, структурной перестройкой и экологическим кризисом все ошутимее ложится на плечи всех трудящихся. Но первыми возмущались и вступили на путь экономической и политической борьбы шахтеры. То есть именно тот отряд рабочего класса, который по расхожим представлениям отнюдь не является самым бедным и ущемленным. Еще вчера (или позавчера) он назывался «красой и гордостью» самого передового в мире советского рабочего класса. Но это было действительно вчера. А сегодня его положение таково, что не приходится удивляться роли шахтеров, ставших ферментом, ядром независимого рабочего движения, возрождающегося в стране.

Одна из лежащих на поверхности причин авангардной позиции шахтеров кроется именно в этом разительном несоответствии между днем вчерашним и днем сегодняшним в их социально-экономическом положении. Представители некогда одной из самых престижных и почитаемых профессий, добытчики «солнечного камня», осыпанные орденами и деньгами, представленные в президиумах всех уровней, сегодня оказались работниками единственной в стране плано-убыточной отрасли. Ситуация сама по себе шоковая. А ее надо помножить на постепенное накопление социальных проблем (заработки, пенсии, жилье, здравоохранение, отдых и т. д.), на значительное ухудшение горно-геологических условий работы, на полное пренебрежение к технологическому перевооружению отрасли, на отсутствие намека на научно обоснованную стратегию и тактику развития отрасли. Не говоря уже об ужасающей запущенности шахтерских регионов и катастрофической экологической ситуации в них. Чего стоит пример только одной Горловки! Тут несомненно присутствует групповой интерес, который нельзя путать с групповщиной, считающейся у нас смертным грехом.

Шахтеров обвиняют в том, что они «тянут одеяло на себя», «рвутся к власти» и т. п. Но при этом их обвинители, блюстители пролетарской непорочности как-то забывают, что выбор форм борьбы определяется ее целями и задачами. Характер требований, всеобщая солидарность и организованность в стачке — причем в первой за многие десятилетия стачке такого масштаба и характера — не могут возникнуть на основе «шкурного интереса». Стачка объединила людей, дошедших до последней черты. Но не только это. Шахтерам надоело работать и жить на коленях. И если работать по-иному в прямом смысле этого слова пока невозможно, то стоит попробовать добиться хотя бы человеческой жизни.

И здесь, по всей видимости, авангардную роль шахтеров обуславливает целый ряд причин, корнящихся как в специфике горняцкого труда (постоянная угроза аварии и смерти, привычка к коллективной дисциплине и взаимодействию и т. д.), так и в ряде социальных характеристик шахтеров. Во-первых, среди них достаточно высока доля молодых образованных людей. Так, в числе опрошенных нами в Донецке в конце января 1990 г. шахтеров молодежи до 30 лет — 20%, от 31 до 34 лет — 25% и от 35 до 39 — 21%. Каждый третий (32%) опрошенный имеет среднетехническое образование, каждый пятый (21%) — высшее и незаконченное высшее³. Во-вторых, среда обитания, специфика расселения по шахтерским городам и поселкам определяют тесную связь труда и быта, преемственность поколений и, наконец, низкую текучесть кадров. Все это в совокупности с особенностями характера и организации труда открывает широкие возможности для организованных действий, координации их не только в масштабах шахты или производственного объединения, но также в масштабах региона и, как показал ход забастовок 1989—1990 гг., страны в целом.

Конечно, приведенные соображения вряд ли охватывают всю совокупность и тем более взаимосвязь причин, побудивших шахтеров к выступлению. Однако

³ Правда, следует учитывать, что 24% опрошенных — инженерно-технические работники.

близкое знакомство с шахтерским движением, анализ имеющихся социологических данных и наблюдений подводят к мысли именно об этих причинах всплеска их активности.

* * *

Итак, забастовка. Эта форма борьбы за достижение собственных интересов стала наиболее ярким выражением нового этапа в формировании активности трудящихся. Настойчивые призывы к «активизации человеческого фактора» в ходе реализации политики ускорения, а затем и перестройки увенчались, наконец, ошеломляющим успехом — активность и солидарность вылились в поистине массовые и невиданные доселе формы. Но к великому огорчению некоторых агитаторов данный процесс происходит совершенно не так и не в тех рамках и направлениях, как это виделось в начале перестроечных процессов. Вместо того чтобы активно выполнять и перевыполнять плановые задания, с головой окунуться в социалистическое соревнование, всемерно поддерживать инициативу КПСС, "возглавившей перестройку", еще активнее обучаться в «школе коммунизма» — профсоюзах, широкие слои трудящихся и в первую очередь рабочих, как отмечалось выше, довольно долго проявляли весьма «странную» пассивность и индифферентность к набиравшему обороты маховику перемен. И чем дальше, тем больше в рядах интеллигентов появлялись подозрения в отсталости и реакционности (в лучшем случае - консервативности) значительных отрядов и слоев рабочего класса.

И вдруг произошел взрыв, прокатилась волна шахтерской стачки. Правда следует напомнить, что взрыв этот не был совсем неожиданным: ему предшествовали и другие события, в частности практически забытый ныне конфликт в Норильске, когда горняки отказались выйти на поверхность пока не будут выполнены их требования, волна приостановок работы на отдельных участках шахт Кузбасса в апреле 1989 г. и т. п. Но шахтерские забастовки лета 1989 г. ознаменовали качественное изменение ситуации в стране. Забастовка стала восприниматься обществом не как проявление группового эгоизма, а как один из способов экономической и политической борьбы. И меньше года спустя уже никого не удивляло, что воспитатели детских садов создают свои стачкомы. Не случайно политическая стачка 11 июля 1990 г. уже не получила широкого резонанса, хотя ее требования того заслуживали. В обществе произошел беспрецедентный социально-психологический сдвиг. Не вдаваясь в суть проблемы, заметим лишь, что причины данного сдвига лежат в сфере социально-экономической. Это превращение страны из аграрно-раннеиндустриальной в индустриально среднеразвитую; урбанизация и переход от преобладания сельского населения к доминированию городского; научно-техническая, а затем и технологическая революции в современном мире. Слияние этих трех процессов вступило в стадийный конфликт с неадекватными, относящимися к предшествующему этапу развития цивилизации социальной структурой и общественно-политической психологией, симбиоз которых достаточно долго и успешно препятствовал переменам, плавному ходу изменений, но в конце концов вверг общество в глубокий и всеохватывающий кризис. Массовые идеологический социально-поведенческие стереотипы - самые инерционные части общественного организма. Социальные слои и группы идентифицируют или во всяком случае не противопоставляют себя провозглашенной системе ценностей и сложившейся системе отношений. И лишь когда затрагиваются жизненные центры слоя, группы или их совокупности, происходит смена (частичная или полная) общественно-политических или социально-поведенческих ориентиров, ценностей и стереотипов.

Забастовки шахтеров стали отражением глубоких социально-психологических перемен в рабочем классе, в преобладающей части современного советского общества. Суть этих перемен - в осознании собственных интересов, в

необходимости самостоятельных действий по достижению собственных целей. Это отнюдь не «групповой эгоизм», а совершенно необходимый элемент достижения консенсуса, вполне прогрессивный шаг к установлению оптимального баланса интересов в обществе. Следовательно, это шаг к гражданскому обществу, к подлинной демократии как самоорганизующейся системе. И в то же время это шаг к новой социальной и экономической структуре общества.

Перспективы развития нового рабочего движения, перспективы перестройки в целом в значительной степени определяются субъективными взглядами как самих участников движения, так и складывающимся общественным мнением по поводу его аспектов.

В этой связи анализ стачечного движения, отношения к нему как самих участников забастовок, так и сторонних наблюдателей — сочувствующих или отвергающих, очевидцев или знакомых с ним понаслышке — становится своеобразным барометром общественно-политической и социально-психологической ситуации в обществе в целом и в различных его частях.

* * *

Со времени летних забастовок 1989 г. в шахтерских регионах прошло более года. Стали яснее приобретения и потери, следствия и итоги первого массового выхода рабочих на арену политической и экономической борьбы эпохи перестройки. Изменяется и общественное мнение, отношение к забастовкам; становится если не более взвешенной, то во всяком случае более дифференцированной оценка этого явления. Трансформируется оценка летних событий и их результатов у самих шахтеров. От эйфории победы и ранее недоступного чувства свободы под влиянием реального хода событий происходит переход к трезвому пониманию соотношения сил и интересов как в регионах, так и в стране в целом. Подчас наблюдается и горькое разочарование, и озлобление из-за того, что достигнутые соглашения не выполняются и надо снова и снова вести упорную борьбу за свои права и интересы. Проведенный в конце января 1990 г. в Донецке опрос шахтеров⁴ показал, что ход выполнения достигнутых соглашений отнюдь не способствует смягчению ситуации, а, наоборот, подстегивает активизацию и политизацию шахтерской массы. Это и продемонстрировала забастовка 11 июля 1990 года. В отличие от выступлений 1989 г., она задумывалась и осуществлялась как сугубо политическая акция.

Ответы донецких шахтеров свидетельствуют о противоречивом восприятии ими результатов забастовки. По мнению большинства, многие важные стороны их социального и экономического положения практически не изменились. Это касается целого ряда характеристик: взаимоотношений с непосредственными руководителями (66% ответов), внимания администрации к жизненным нуждам шахтеров (62%), организации производства (62%), стиля и методов руководства (60%), отношений в коллективе (58%) и активности общественных организаций — партком, профком, комитет ВЛКСМ (50%). Одновременно, по мнению половины шахтеров, такой же, как раньше, осталась трудовая нагрузка. У 48% опрошенных шахтеров она, по их оценкам, даже возросла. Лишь от четверти до трети опрошенных шахтеров (21% — 34%) указали на позитивные изменения в этих показателях.

В то же время очень многие шахтеры отмечают рост рабочей активности в решении производственных вопросов: 56% опрошенных считают, что она повысилась, и только 39% — что осталась без изменений. Соответственно, отмечается улучшение информированности рядовых работников о делах на шахте. 45% опрошенных указали на ее улучшение и 42% — на то, что изменений не произошло. Эти две характеристики тесно взаимосвязаны. Таким образом,

⁴ См. «Право на труд — право на забастовку». «Общественные науки», 1990, № 3.

на лицо противоречие — социальное и экономическое положение остается прежним, соответственно, увеличивается недовольство администрацией (как своей, так и министерской и правительственной), но растет активность рядовых шахтеров в решении производственных вопросов.

Другое противоречие связано с тем, что, по мнению большинства опрошенных, снабжение продуктами питания и товарами народного потребления ухудшилось (об этом говорят 64% опрошенных; 7% утверждают обратное). Вместе с тем у 51 % шахтеров повысились заработки (у 9% они уменьшились, у 40% — остались без изменений). Очевидно, здесь заложена еще одна мина замедленного действия: каждый второй шахтер считает, что он стал интенсивнее работать и больше получать. Возможности же удовлетворения личных и семейно-бытовых потребностей сузились. А это лишь усиливает недовольство работника существующим положением.

Понятно, что растущее самосознание, активность и информированность масс при неизменности или ухудшении условий быта усиливают их недовольство и оказываются важными элементами нынешнего кризиса перестройки. Люди не хотят жить по-старому. Прежние формы управления становятся поэтому невозможными. Однако старые управленческие структуры, хотя и ощущают опасность, не могут отбросить привычные методы и искать новые подходы.

Высокая оценка опрошенными общего роста активности рабочих хорошо корреспондируется с их вниманием к ходу переговоров стачкомов с правительством и его представителями, с информированностью обо всех перипетиях этих переговоров. Так, 47% опрошенных утверждают, что содержание знаменитого постановления Совета министров СССР № 608 известно им целиком, а еще 40% свидетельствуют о частичном знакомстве с этим документом. Если здесь и есть доля преувеличения, нельзя все же не видеть, что пропорция ответов сама по себе весьма характерна: постановление — большой и сложный документ, и вряд ли несколько лет назад рабочие вообще знали бы о нем. Аналогичны результаты ответов на вопрос о знакомстве респондентов с «Протоколом о согласованных мерах между шахтерским стачечным комитетом Донецка и комиссией Совмина СССР и ВЦСПС». Мы получили 63% положительных ответов⁵. В том числе 7% — принимали участие в обсуждении, выступали на митинге, собрании. Еще 20% — принимали участие в митингах, собраниях, где протокол обсуждался; 36% — прочли его. Только чуть больше трети опрошенных (37%) оказались слабо осведомленными о содержании протокола (21% — слышали о нем в разговорах с товарищами и знакомыми; совсем ничего не знали о нем 16%).

В приведенных результатах привлекает внимание, что активных работников среди опрошенных — примерно пятая часть, пассивных — больше трети. И даже при таком соотношении шахтерские выступления потрясли страну. Стоит задуматься, что было бы, если бы доля активных рабочих возросла.

Какие же проблемы, затрагиваемые в упомянутом Протоколе, являются наиболее важными с точки зрения опрошенных? Таковых оказалось четыре. Во-первых, полная самостоятельность шахт и широкое использование различных форм собственности на средства производства (13% ответов); во-вторых, реформа оптовых цен на уголь, договорные цены на сверхплановую продукцию, регулирование величины госзаказа и т. п. (12%); в-третьих, сокращение административно-управленческого персонала, излишних управленческих звеньев (10%); в-четвертых, доплаты за работы в ночную и вечернюю смены, за время передвижения от ствола до места работы и обратно (10%). Еще по 8% ответов собрали самостоятельность предприятий в установлении норм выработки, пропорциональность роста зарплаты росту цен и увеличение продолжительности отпусков. Характерно, что именно эти пункты наиболее часто указывались как не выполняющиеся, за исключением самого простого и легко выполнимого

⁵ Ответ на данный вопрос предполагал возможность нескольких вариантов, поэтому их сумма больше числа опрошенных.

пункта — о доплатах. Принципиальные же проблемы, по мнению шахтеров, практически не решаются или решаются под большим нажимом снизу.

Кто же, по мнению шахтеров, виноват в этом? 55% опрошенных обвиняют центральные органы (Совмин СССР, Минуглепром и т. д.) в торможении перехода на полный хозрасчет. Местные органы управления в большей степени виноваты в остроте жилищного кризиса (40% ответов) и плохой организации торговли (38%), профсоюзы — в выполнении ставших для них основными функций: организации отпусков и распределении путевок (29%), охраны прав трудящихся (28%) и охраны здоровья (23%). Что же касается путей разрешения накопившихся проблем, то шахтеры вполне здраво считают возможными все имеющиеся пути: обращение в различные инстанции, проведение митингов и демонстраций, забастовочную борьбу. При этом в зависимости от соотношения приоритетов, глубины и насущности проблем удельный вес ответов достаточно гибко варьируется.

Для проверки выделенной выше иерархии позиций Протокола по важности для шахтеров ответы на два последних вопроса (кто виноват и что делать?), пожалуй, в наименьшей мере показательны и значимы. Целям такой проверки может служить и анализ доли опрошенных, не давших ответа на соответствующие пункты анкеты и тем самым косвенно указавших на меньшую актуальность для них этих пунктов. Конечно, такой подход относителен, но он позволяет несколько скорректировать ранжировку важности позиций Протокола для шахтеров. В результате на первое место по насущности выходят вопросы стажа и пенсий (меньше всего опрошенных пропустило данную позицию), затем — торговли, полного хозрасчета, охраны здоровья, жилья, а также вопросы, связанные с продолжительностью отпусков и распределением путевок, наконец с оплатой труда. Думается, это достаточно существенное уточнение, не противоречащее приведенным выше выкладкам, но хорошо их дополняющее: изменение производственной ситуации важно не само по себе, а для улучшения повседневной жизни, быта, отдыха и здоровья.

Еще одна группа ответов дает материал для размышления о процессах, характерных для зарождающегося в стране рабочего движения. Несмотря на опыт массового взаимодействия шахтеров в ходе летних забастовок, несмотря на деятельность стачкомов и демократически выбранных Советов трудовых коллективов (СКТ), каждый второй опрошенный (49%) не уверен, что в случае конфликта с администрацией предприятия товарищи не дадут его в обиду, еще 31% — затруднились ответить на соответствующий вопрос, считая, что все будет зависеть от обстоятельств, и только 18% — твердо верят в поддержку товарищей. Когда же был поставлен вопрос не об индивидуальном конфликте, а о коллективном (бригады, участка), то выяснилось, что 37% шахтеров рассчитывают на поддержку совета бригады, 17% — рабочих (стачечных) комитетов, 17% — СТК и 16% не рассчитывают на чью-либо поддержку вообще. Характерно, что надежду на поддержку официальных общественных организаций выражала весьма незначительная доля опрошенных: 7% верила в профсоюз, 6% — в партийную организацию.

Полученные данные свидетельствуют, что на уровне индивида, первичного коллектива организованность шахтеров еще весьма невелика и не отличается прочностью. В условиях резкого падения доверия к традиционным общественным структурам и отсутствия (будем надеяться, временного, присущего начальному периоду) прочных связей с новыми, демократически сформированными структурами подобное положение чревато случайными привходящими факторами, которые могут воздействовать на поведение шахтерской массы.

Вместе с тем, как представляется, произошло осознание значения мощи и роли массовых коллективных действий рабочих. В первую очередь имеется в виду стачка как наиболее действенное средство достижения коллективных целей и интересов. Летние забастовки 1989 г. показали шахтерам, что «не так страшен черт, как его малюют», что можно разговаривать на равных с началь-

ством любого уровня, если ощущаешь справедливость своих требований, если плечом к плечу с тобой стоят тысячи и десятки тысяч единомышленников. **Именно** летний перелом 1989 г. позволил многим рабочим осознать, что право на забастовку — такое же право, как право на труд, свободу собраний, как другие демократические права.

подавляющая часть опрошенных шахтеров — 79% — согласны с этим тезисом, 10% — с ним не согласны и еще 9% — затруднились ответить. Интересно, что в октябре 1989 г. на подобный же вопрос, заданный во всесоюзном исследовании Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), положительный ответ дали 66%, а отрицательный — 20% опрошенных. В июне же 1990 г. среди делегатов I съезда шахтеров СССР в Донецке нами было получено 94% положительных ответов. Конечно, эти данные не очень сопоставимы, но, думается, они отражают темпы политизации общественного сознания.

При этом трудящиеся достаточно трезво оценивают плюсы и минусы забастовки: 52% шахтеров ясно понимают, что это крайняя, исключительная мера, но они также осознают, что в современных условиях ее бывает невозможно избежать (**ВЦИОМ - 46%, I съезд шахтеров — 69%**). Отсутствие механизма разрешения конфликтов, противодействие его созданию, крайняя степень нежелания административного аппарата идти на какие-либо уступки подталкивают каждого третьего шахтера (32%) к мысли, что забастовка — единственный способ добиться удовлетворения своих требований (ВЦИОМ—16%), еще 8% опрошенных считают забастовку одним из нормальных средств решения проблем (ВЦИОМ— 13%) и только 4% считают, что они вредны и в нашей стране недопустимы (ВЦИОМ—13%).

Невыполнение подавляющего числа пунктов соглашений 1989 г. с правительством, невозможность добиться их претворения в жизнь (даже если речь идет о достаточно простых вещах) иначе как с помощью забастовки (или под ее угрозой) приводят шахтеров к пониманию того, что, пока не сложится действенная система политической и производственной демократии, предусматривающей механизмы разрешения конфликтов и сильные социальные амортизаторы, забастовки будут приобретать все более широкий размах (74% опрошенных, ВЦИОМ —37%, I съезд шахтеров — 68%), только 11% шахтеров так не считают (ВЦИОМ —26%) и 14% — затруднились ответить (ВЦИОМ —36%).

Подобный взгляд на борьбу за свои права бессмысленно интерпретировать как следствие подрывных действий каких-то внешних сил. В нем отражается логика развития самосознания и самоорганизации независимого рабочего движения. Независимого не от других слоев трудящихся, а от отживающих общественных структур. В этой связи весьма показательна оценка необходимости тех или иных организаций для защиты интересов трудящихся: 52% шахтеров поддержали идею создания новых независимых организаций трудящихся, 32% высказались за реформированные профсоюзы и только 6% — за нынешние.

Судя по всему, одним из ростков новых организаций трудящихся на современном этапе являются рабочие (стачечные) комитеты как плод самоорганизации рабочих. Их возникновение — явление для СССР совершенно новое. Сложности, ошибки, столкновения амбиций здесь неизбежны. Это естественные спутники зарождения всякой организации, обычные детские болезни ее развития. Но рабочие комитеты все чаще выступают как центр самостоятельной активности рабочих, как зародыш новых общественных структур. Не случайно только 16% опрошенных заявили о полной ненужности стачкомов. 29% считают, что они образуют реальный орган защиты интересов трудящихся и потому нужны постоянно, 33% — что они нужны на весь многолетний период, необходимый для выполнения достигнутых соглашений, 17% — считают их целесообразными во время подготовки и проведения забастовок. Такой расклад мнений ясно показывает: борьба за свои интересы волей-неволей подталкивает рабочих к самоорганизации. И если для наиболее развитой и наиболее активной части

шахтеров это было ясно с самого начала, то проникновение подобных идей в массовую рабочую среду — несомненный и в конечном счете позитивный результат забастовок. (При всем многообразии и неоднозначности личностных подходов и мнений отдельных людей.) Знаменательно, что через полгода после июльской стачки 1989 г. убеждение в необходимости общественно-политических организаций типа Союза трудящихся разделили 67% опрошенных, 36% из них считали, что подобные союзы нужны в масштабах всей страны, а 31 % ограничивали поле их деятельности уровнем региона или области. Лишь 11 % опрошенных не считали необходимыми такие союзы, а 15% затруднились ответить. Как видно, не только созрели объективные предпосылки самостоятельного рабочего движения, но все отчетливее формируются субъективные факторы данного процесса.

В этой связи весьма актуальным становится вопрос о политических аспектах независимого рабочего движения, о политических симпатиях и антипатиях его участников. Естественно, сегодня любой социально-экономический вопрос (от проблем собственности до табачного дефицита) с неотвратимостью становится вопросом политическим. Тем более если речь идет о шахтерском и рабочем движении в целом. И шахтеры, как никто другой, убедились в этом, постоянно наталкиваясь в отстаивании своих социально-экономических интересов на вопросы политические, на вопросы о власти, о роли КПСС и т. п.

Не случайно шахтерское движение, среди участников и лидеров которого поначалу было много членов КПСС (теперь зачастую уже бывших), к первой годовщине своего появления пришло с требованиями о ликвидации привилегированного положения КПСС на производстве, о выводе парткомов с предприятий и национализации имущества КПСС, включая средства массовой информации, с призывами к массовому выходу из рядов партии. Эти требования прозвучали на I съезде шахтеров, они были среди лозунгов политической стачки 11 июля 1990 года. Иллюстрацией могут служить некоторые оценки делегатов I съезда шахтеров⁶. Так, 46% опрошенных делегатов (а опрошен был практически каждый второй) полагают, что КПСС должна существовать на равных правах с другими партиями, еще 44% считают, что она несет ответственность перед народом за прошлое и ни при каких условиях не может руководить страной, и только 4% респондентов все еще думают, что КПСС при тех или иных условиях может сохранить руководящую роль в обществе.

Вместе с тем шахтеры пока очень осторожно относятся и к новым политическим организациям, проявляющим весьма активный интерес к независимому рабочему движению. Наиболее характерный штрих к этому наблюдению — выступления Н. Травкина на съездах в Новокузнецке и Донецке. Ему был оказан восторженный прием и тут, и там. Вместе с тем призывы поддержать создаваемую им партию были сдержанно и предложенные народным депутатом СССР и РСФСР резолюции в ее поддержку не были приняты. В еще большей степени это касается других политических формирований как левого, так и правого толка, хотя их активность в независимом рабочем движении велика и сторонники новых политических сил имеются во всех регионах.

В то же время собственные общественно-политические организации шахтеров еще не приобрели нужного веса, который позволил бы им играть роль, хотя бы отдаленно напоминающую роль польской «Солидарности» или других широких общественных объединений. Пока лишь 29% опрошенных делегатов I съезда шахтеров одобрили создание Конфедерации труда (ее создание было оформлено на I съезде независимых рабочих движений в Новокузнецке), 4% — не одобрили, 18% делегатов полагали, что создание Конфедерации труда не имеет значения для рабочих, а 49% (половина!) — просто ничего пока не знали о ее создании. Таким образом, более чем семидесятилетний опыт социально-политической

⁶ Подробнее о данных опроса делегатов I съезда шахтеров см. «Общественные науки», 1990, № 6.

жизни страны (или, если угодно — отсутствие реального опыта нормальной политической борьбы), с одной стороны, вызывает высокие темпы политизации общества, с другой — заставляет думающих, ответственных людей, а таких среди шахтеров достаточно много, быть весьма разборчивыми и осторожными в выборе форм развертывания политической активности.

* * *

В заключение хотелось бы остановиться на отношении шахтеров к трем важным аспектам современного социально-экономического бытия страны: к товарному дефициту, денежной реформе и безработице. Именно вокруг этих вопросов ведется яростная полемика на страницах прессы и на трибунах съездов. Нашим политикам и исследователям при разработке проектов реформ нельзя игнорировать общественные настроения как в стране в целом, так и в отдельных ее регионах. Ибо успех любой программы зависит от того, будет ли она принята народом или нет.

По подсчетам ряда экономистов, к 2000 г. проблема поисков работы непосредственно коснется нескольких миллионов человек. К этому надо готовиться и государству, и рабочему движению. Что же думают шахтеры о возможной безработице? 56% опрошенных нами шахтеров понимают, что избежать безработицы не удастся и поэтому нужны государственные и региональные программы ее ограничения и помощи безработным. В то же время 26%, или каждый четвертый, считают ее безусловным злом и высказываются за ее недопущение; у 16% мнение еще не сложилось. Такое соотношение мнений, по-моему, должны учитывать наши реформаторы и подходить к проблемам занятости с особой взвешенностью.

Интересны мнения опрошенных по поводу организации распределения товаров в условиях дефицита: каждый третий (33%) считает, что надо на все ввести карточки, 25% — что товары первой необходимости распределять по карточкам, все прочие — по рыночным ценам, 10% — все товары продавать по рыночным ценам и 26% — не имеют точки зрения на данный предмет. Таким образом, в этом вопросе наблюдается достаточно большая неоднородность подходов, но во всяком случае рынок не отвергается с порога, хотя популистские воззрения тоже в большом ходу⁷.

И наконец — денежная реформа. По данной проблеме спектр мнений также достаточно широк: 23% — считают, что она вообще не нужна, 41% — высказались за обмен любой суммы при возможности доказать законность ее получения, 22% — считают необходимой такую реформу, по которой будет обмениваться лишь строго ограниченная сумма денег и, наконец, 10% — за то, чтобы был произведен обмен денежных знаков в том или ином масштабе (как это было сделано в 1961 г.).

Отсутствие единообразия ответов на три поставленных вопроса интересно именно тем, что нет явного превосходства какого-то одного подхода. Это позволяет надеяться на поддержку кардинальных и экстраординарных шагов для преодоления социально-экономического кризиса, если такие шаги будут предприниматься властью, пользующейся доверием народа.

Подводя некоторые итоги и хорошо понимая всю фрагментарность и незавершенность полученной картины, я хотел бы подчеркнуть, что выход на политическую арену рабочего класса, и прежде всего шахтеров, — процесс объективный, логически вытекающий из всего хода современного экономического и со-

⁷ Опрос Госкомстата СССР в июне-июле 1990 г. показал, что за карточки на товары первой необходимости высказываются 53% граждан (см. "Люди и цены". - "Правительственный вестник", 1990, № 29, с.5).

циально-политического развития нашей страны. Явление это неоднородное и неоднозначное, тем более в обозримой исторической перспективе, предполагающей кардинальную структурную и технологическую перестройку со всеми вытекающими последствиями. Тем не менее анализ взросления независимого рабочего движения за пройденный им год, сопоставление документов забастовки 1989 г. и I съезда шахтеров в июне 1990 г., социологические опросы достаточно ясно свидетельствуют о его демократической сущности, политической зрелости и массовой базе. Необходимость свободной и независимой самоорганизации ощущается сегодня сотнями тысяч рабочих, завтра ее ощутят миллионы и десятки миллионов.

© В. Комаровский, 1991.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

ПРАВО НА ТРУД-ПРАВО НА ЗАБАСТОВКУ

Настоящая публикация результатов опроса, проведенного сотрудниками Института международного рабочего движения АН СССР среди делегатов II съезда шахтеров в конце октября 1990 г. в Донецке, по мнению редакции, удачно дополняет статью В. Комаровского — одного из участников этого социологического исследования. Опрошены были 229 человек, среди которых 81% составляют рабочие, 15% — инженерно-технические работники и 4% — профсоюзные работники. 77% опрошенных в возрасте до 45 лет; 37% опрошенных имеют среднее специальное, а 31% — незаконченное высшее и высшее образование. Часть вопросов анкеты, предложенной делегатам II съезда шахтеров, совпадает с вопросами, на которые отвечали участники предыдущих опросов, проведенных той же группой на I съезде шахтеров и в январе 1990 г. среди шахтеров в Донецке. Эти данные опубликованы в №№ 3, 6 журнала «Общественные науки» за 1990 год. Поэтому вы сами при желании сможете проанализировать изменения в оценках, выявившиеся в ходе опросов. Для удобства повторяющиеся вопросы (1—8) печатаем в начале подборки и в той же последовательности, что и в предыдущей публикации.

1. Как Вы считаете, будут ли забастовки в СССР приобретать более широкий размах? (%)

скорее всего, да	70
скорее всего, нет	14
затрудняюсь ответить	15

2. Какие из приведенных ниже мнений о забастовках являются, по Вашему мнению, наиболее правильными? (%) забастовка для трудящихся — един-

ственный способ добиться удовлетворения своих требований	16
забастовка — нормальное средство решения проблем	12
забастовка — исключительная мера, но в нынешних условиях ее бывает невозможно избежать	68
забастовками ничего нельзя добиться	1
забастовки приносят только вред, в нашей стране они недопустимы	2
другое мнение	1

Продолжение смотри с. 55.